

Олег Хлебников
На небесном дне

Олег Хлебников
На небесном дне

«WebKniga»

2013

Хлебников О.

На небесном дне / О. Хлебников — «WebKniga», 2013

У Олега Хлебникова сложилась книга, которую он сам назвал романом в поэмах. Сложилась как жизнь. Как сказал двадцать с лишним лет назад Давид Самойлов – «в стихах Олега Хлебникова есть картина мира». Судьба лирического героя (вряд ли он многим отличается от автора) и судьбы окружавших его людей складываются на фоне отечественной истории. Да они сами и есть эта история. И тот совсем ближний круг, кого автор считает братьями – Юрий Щекочихин, Александр Аронов, «Толик, Андрюшка, Пашка»... И соседи по поэме «Улица Павленко» в Переделкине: Борис Пастернак, Корней Чуковский, Булат Окуджава, Арсений Тарковский, Иосиф Бродский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко – «И слово друг / вместе с отцом и сыном / троицу составляло...».

© Хлебников О., 2013

© WebKniga, 2013

Содержание

От автора	6
Переулок	7
Пролог	7
1	7
2	8
3	8
4	9
5	10
6	10
7	11
I. Кубик Рубика	13
Хроника одного двора	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Олег Хлебников
На небесном дне. Роман в
поэмах с комментариями

© Олег Хлебников, 2013

© «Время», 2013

От автора

Этот «роман в поэмах» писало время. Почти тридцать шесть лет писало. Я пытался только уловить всхлипы и гул времени, которого, как известно, вроде бы и нет. И – по возможности – перевести всё услышанное и недослышанное на русский – по Блоку, преодолевая бездну своей оглушительной бездарности.

Что получилось, судить не мне. Но знаю, что точно удалось: вместить в строчки – хуже-лучше – полвека собственной, как-то осознанной жизни, происходившей не в пустоте, а в стране, которая приходила в себя после большевистского изнасилования и сталинского террора. До сих пор не пришла.

Плюс к тому какие-то протуберанцы совсем уж прошлого и будущего...

Существует документальная проза. Возможна ли документальная поэзия? Не знаю. Но «На небесном дне» – попытка именно в этом роде. Непроизвольная. Просто не умею писать о том, чего не было или не могло бы, по моему мнению, быть.

Очень не люблю (определение Мандельштама) «переводы готовых смыслов» и, только когда «несёт» неизвестно куда, начинаю чувствовать поэму.

Писать поэмы в наше время кажется безумием. Когда стихи-то не читают! Но именно поэтому интересно. Вопреки и благодаря.

Когда находишься внутри поэмы, испытываешь счастье. Это путешествие в другой мир, который, может быть, тебе всего лишь казался, но, воплощённый в слове, уже существует.

Строить миры – задача не только Творца, но и любого творящего что-то. Даже, наверно, любой твари. Началось с ветхого Адама, дававшего предметам и явлениям имена.

И вот – очень хочется сохранить имена. Тех, кто дорог. Я не умею и не хочу – на мраморе или граните. Более прочным материалом кажется мне слово.

А ещё есть робкая надежда, что те несколько жизней, которые уже прожил лично я и которые отразились в этих поэмах, захотят прожить, в них погрузившись, хотя бы несколько читателей.

Кстати (крючок для читателя), это самый простой способ продления собственной жизни! Продления на другие – воспринятые и прочувствованные.

Беда, увы, с восприятием стихов. Их у нас в последние много лет разучились читать – надо бы снабжать, как ноты, разными знаками: крещендо, диминуэндо... Надо бы предложить издателям с этими знаками стихи печатать...

Но нет более ёмкого способа передачи информации – эмоциональной, прежде всего, – чем стихи. В этом смысле книжка, которая перед Вами, только кажется тоненькой.

Прошу Вас, читатель, ударяя при чтении правильно, попытаться прожить вместе со мной лишние полвека. Спасибо.

А комментарии – это для тех, кто захочет узнать что-то не вместившееся в стихи про реальных героев поэм или про обстоятельства их (поэм) появления на свет.

Переулок

Пролог

Переулочек, переул...

Горло петелькой затянул.

А. Ахматова

1

Детдома и ларька соседство —
один из переулков детства,
где до сих пор покоя нет,
где время в склянках, время в банках,
в расспросах, слухах, перебранках —
меняется на горсть монет,

где моё детство побывало,
вставало в очередь, играло
ледышкой около ларька
и на детдомовские окна,
всегда затворенные плотно,
глядело из-под козырька,

где из пословиц миллиона
«Болтун – находка для шпиона» —
всего одну запомнил я,
где дядьки в кожаных ушанках
и тётки в сизых полшалках
искали крайних
и края

неведомые представляли,
края, простёршиеся дале, —
за телевышкой, за горой...
края, где я ни разу не был,
где явно закруглялось небо,
срастаясь с дымкой городской...

Такой обычный переулок,
где каждый шаг бывает гулок
и каждый шаг неповторим,
пространство, что в себя вместило
людские судьбы – судьбы мира,
и всё не расстается с ним...

2

В проулке за детдомом старым,
у пункта по приему тары
толпится, как всегда, народ —
что принимают, всё сдаёт.

Бездумно-мудрые старухи
иконно складывают руки.
Коричневые сумки их
полны бутылок дармовых.

У ног мешок со стеклотарой —
какой-то человек усталый
стоит, касаясь головой
клочка проблемы мировой.

А девочка с двухлетней дочкой —
со стеклотарой непорочной —
проблемы не касается:
дочь за подол цепляется.

У Марьивановны в авоськах,
как будто капельки на вёслах,
блестят стекляшки. Вся она,
как в мысли, в них погружена.

С ней рядом отставной полковник.
Чтоб миру о себе напомнить,
пришёл, принёс бутылок пять
как повод в очереди встать.

И вот – по очереди этой,
как кистью, временем задетой,
по очереди по живой,
текущей поперёк и вдоль,
передаются факты, мненья,
сомненья и опроверженья...

3

Стояние в очередях
не столь способствует мышлению,
скорее – семечек лущению
и мутной мудрости в очах.

Стояние в очередях
ведёт к такому разговору,

который вспыхивает скоро
и увязает в мелочах.

И снова – лишь один зачах —
другой подобный возникает.
Такой порядок вызывает
стояние в очередях.

Рассказ – сочувственное «ах!»,
лихая шутка, злая ссора...
Моя пожизненная школа —
стояние в очередях.

Не различить издалека
очередей предназначенье...
Как терпеливо их течение! —
как среднерусская река.

4

...И Марьявановна сказала:
– Уж больно ящичков-то мало, —
вздохнула, – могут не принять
посуду... —
        замерла опять.

Забеспокоились старухи.
Одна шепнула:
– В одни руки
больше пятёрки не дают!
Остатки задарма берут!..

– Эх, мать! – прищурился полковник
светло, как довоенный школьник. —
Всё вам дадут. Без па-ни-ки!.. —
И засмеялись мужики.

И тут повеяло годами
иными. Из далёкой дали
какой-то силуэт возник,
иным очередям двойник —

в будённовке, косоворотке...
Нет, в гимнастёрке и пилотке.
Сначала встал за кипятком...
За кашей кирзовой – потом...

Вот – превратился в инвалида
в шинельке, офицерской с вида.

За ним в колонну встали вдруг
солдатки, дети, бабка, внук...

И как-то стало очевидно,
что лезть без очереди стыдно.

5

Но что же стало с переулком?
Раздвинулся? Совсем пропал?..
Наполнился гуденьем гулким
и – площадью базарной стал.

Из деревень пришли подводы.
К прилавкам встали кустари.
Толпа заполнила проходы.
И крики «Налетай! Бери!» —

как сизари, с земли взлетели!
Старьёвщик пел: «Берём старьё...»
И пайщик для своей артели
брезгливо выбирал сырьё.

Вот водовоз с дощатой бочкой!
А вот и Марьиванна с дочкой:
то ль продавала, то ль брала,
то ль на смотрины дочь вела.

– Хошь лясы, хошь ножи поточим! —
кричал точильщик тощей очень.
И удирал, не чуя ног,
малец, стащивший пирожок...

Детдом —
вновь делался трактором.
И высилась над этим миром,
как поминальная свеча,
пожарная каланча —
которая потом сгорела
дотла.
Но разве в этом дело?

6

Другие времена мелькнули —
вдогонку просвистели пули.
Другие люди в свой черёд
пришли. Нет – в очередь скопились,
«Кто крайний?» – справились, столпились

и ждут, когда до них дойдёт...

А где же тот красноармеец,
в будённовке? Где тот лишенец
с извечным «Налетай! Бери!» —
страдавшие душой и телом
за правое, конечно, дело —
за угнетённых всей земли?

Где морячок с мечтой раздольной
о революции – не больно
какой, а сразу – мировой?..
С красноармейцем где-то вместе —
там, на ветрах, гремящих жестью,
застыли —
там, в эпохе той...

А где старьёвщик неперменный?
Что ж не дождался перемены
в делах? Ему б сейчас старьё
давали даром! Не дождался.
В годах голодных затерялся.
Сменил занятие своё?

А многие из той крошки
здесь. Инвалид – на «запорожце».
А вот артельщик – на «форде»...
Связать всё это воедино! —
какая странная картина
коловращения идей

получится... Но это трудно.
И мудренее ночи утро.
А к переулку ночь идёт.
Ведь даже в маленьком пространстве,
вернувшись из далёких странствий,
свершает время свой полёт...

7

Над переулком вечер засинел.
Зажгла огни, растаяв, телевышка —
как будто городок расправил крыши,
включил сигнал и в небо полетел.

В детдомовских окошках свет возник
и проявил воспитанников лица,
высокий шкаф и стены – как страницы
зачитанных и пожелтевших книг.

И заблестели склянки у ларька,
не принятые из-за повреждений,
незаурядных форм и оформлений...
Вечерний ветер трогал их бока.

В конце проулка, в гибком фонаре,
похожем шейей на плезиозавра,
как свет дневной, уже рождалось завтра.
Магнитофон старался во дворе,
соседнем с переулком...

І. Кубик Рубика

Хроника одного двора

Памяти Анатолия Берладина, друга, театрального режиссёра

ПРИСМОТРЕН БЫЛ СТАРУХАМИ СЛЕПЫМИ,

калеками после гульбы
и дурачком, переменившим имя
на радостное прозвище – Биби.
Обучен был Пожарником учёным
и местность изучать привык:
вот сам Пожарник, вот старуха в чёрном,
а вот Биби гудит, как грузовик...

Би-би-би! Ду-ду!

Птицам-курам на беду!..

Калека пел ночами про «Варяга».
Пожарник спал. Наездившись, Биби
дремал в саду. Из поднебесья влага
лилась, лилась... И всё размыла бы —
когда б и так уже не размывало
иным потоком глину наших тел.
Биби – сначала. Как страна рыдала! —
би-би-би-би... – Я прибавляю мало —
одну тебя я выдумать сумел.

ОДНУ ТЕБЯ Я ВЫДУМАТЬ СУМЕЛ,

и ту не так. Так много было дел!
И счёта я не вёл своим потерям.
Между делами брата навещал,
и брат меня рассказом угощал,
но в достоверности я не уверен.

Брат говорил о Пушкине, что он
(при чём тут Пушкин?) был всю жизнь влюблён
в Карамзину (при чём тут Гончарова?),
сначала не ответила она,
поэт был юн, в том не её вина,
ответила – не виновата снова.
А перед смертью видеть захотел
он лишь её... Рассказ меня задел.
Какое-то в нём было совпадение —
вот только с чем?.. И был он о любви...
При чём же тут, о господи, Биби?!
Теперь нас топчут без предупрежденья...
Потом заговорил о Кюхле брат,
об их дуэли с Пушкиным... Не рад

уж был я, что пришёл. Опять легенды!
Учебники не в силах тут помочь.
Пускай их изучают сын иль дочь...
Кабы родители – интеллигенты!

КАБЫ РОДИТЕЛИ-ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.